

Игорь Шестков "Вазелин"

ВАЗЕЛИН

Посвящается грядущему сорокалетию издания первого тома «Архипелага».

Познакомился я с Таней в пансионате «Ёлочка». В февральские студенческие каникулы 1974-о года. Родители чудом достали путевку. С пятого по шестнадцатое. Рука неизвестного администратора, вершителя судеб, размахисто написала фиолетовыми чернилами на моем и на ее удостоверениях гостя «столик номер семнадцать» и обрекла нас на интимное знакомство. И вот, сидим мы напротив друг друга за покрытым клеенкой с изображением Кремля и московских высоток столиком в столовой пансионата. Недалеко от фикуса бенджамина с вылинявшими кромками листьев и искусственных пальм.

Полдничаем.

Танечка смущенно смотрит вниз, одной милой лапкой держит румяную ватрушку, а другой теребит патриотическую клеенку. Жует.

Уронила ложку на покрытый лаком дубовый паркет.

Бросила смущенный взгляд на фикус.

Повела плечами.

Поправила прическу.

Я поднял прибор и подал ей. Поднимая, успел понюхать ее каштановые волосы.

Они пахли ландышами и укропом. Дело было сделано. Сигналы были поняты, пули легли в десятку, поезд достиг пункта назначения. Некоторые реле сомкнулись, другие разомкнулись, по нервам пробежали от нейрона к нейрону

переменные токи, химические реакторы выработали необходимые андрогены.

Мой мозг засветился разноцветными огоньками как ЭВМ моей юности, в груди запылал огонь желанья, а в штанах зашевелился лирический герой и залепетал козлиным тенором: Лобзай меня, твои лобзанья мне слаще...

Мирррра и виииина – прогудели басы.

Я втюрился в эту милую девушку автоматически.

Ничего не поделаешь, не будь мы, мужчины, биологическими машинами с простенькой программой, человеческая раса давно перестала бы существовать. В последующей застольной беседе Таня сообщила, что она – студентка первого курса филфака МГУ романо-германского отделения, что любит Гессе и Кортасара, увлекается теннисом, собирает марки с жирафами и мечтает посмотреть мир. Чутье подсказало мне, что Таня, также как и я – в первый раз в жизни вырвалась из заботливых родительских когтей, и мечтает о свободной любви.

Чего же боле...

Кроме нас за столиком номер семнадцать сидели: мой долговязый приятель Жэк и однокурсница Тани Ксеша, кругломорденькая блондинка с локонами, в обтягивающих ее величественные формы зеленоватых джинсах и розовой кофточке с кружевами.

Намечался многообещающий «союз четырех».

...

К сожалению Ксеша не приворожила моего приятеля, хотя и поглядывала на него дерзко.

Жэк оперативно приударил за длинноногой «старушкой» двадцати семи лет – Людмилой с соседнего столика, тоже блондинкой, тоже с локонами и с каким-то особым двойным кучерявым чубчиком, худенькой, и не в джинсах, а в роскошных вельветовых бежевых расклешенных штанах с странными цветными нашивками на задку (на одной из них был вышит пес-барбос с выпученными глазами-шарами, при внимательном рассмотрении оказавшийся сучкой, а на другой – тогда еще загадочные латинские буквы LSD, синие на розовом поле), держащихся на вельветовых же подтяжках, выглядывающих из под вельветовой курточки с противным изображением лыбящегося Дональда Дака на спине.

Через неделю мы жили в Ёлочке так, как будто мы в ней родились и выросли. И думать не хотели о скором отъезде. Роскошь разлагает и закабальет, даже такая, средненькая, номенклатурно-советская.

Днем мы катались на лыжах на водохранилище и в окрестных лесах, прочищали измученные московскими выхлопными газами легкие. На обед поглощали сомнительно пахнущий борщ и жирные отбивные с картофельным пюре,

похожим на Сахару. Потом спали, играли в пинг-понг и в гоп-доп, трепались, тусовались, слушали музыку Deep Purple и Slade (у нас был с собой кассетник), танцевали, ужинали, после ужина делали еще одну, короткую лыжную прогулку. Под звездами.

Искали потрясающий Орион, нежные Плеяды, Кассиопею.

Находили на небе яркую, источающую золотые лучи, точку – Венеру и бросали в нее снежки. Наслаждались волшебным лунным светом, как будто струящимся по снежным полям и оседавшим на ветках громадных дубов ледяным панцирем.

Пили в темном русском лесу холодный рислинг, закусывали пряниками, целовали замерзшие губы своих любимых, слушали тишину, нарушаемую только потрескиванием стволов деревьев на морозе и глухими воплями не улетевших в теплые края перелетных птиц.

После прогулки принимали горячий душ.

А ночью...

Жэк уходил спать к своей Людмиле. Ксеша засыпала одна в ее и Таниной комнате. А моя милая девочка приходила ко мне, в нашу с Жэком комнату. Мы пили растворимый кофе, ели овсяное печенье или краденый из пансионатской столовой белый хлеб с маслом, часто и подолгу целовались, а затем ложились спать на сдвинутые вместе кровати.

Меня трясло как самолет, летящий через бушующую Атлантику, сладкие прелести некинга не приносили мне облегчения. Танечка не позволяла снять с себя трусики, бешено сжимала бедра и грубо отталкивала меня, когда я терял голову от любви. Как и все советские девственницы, милая девочка страшно боялась заболеть чем-нибудь венерическим или залететь и «снести яйцо». Все мои заверения и клятвы она пропускала мимо ушей.

Каждую ночь я жгуче завидовал Жэку, с настойчивостью бульдозера пахавшему костлявую плоть своей старушки, терпеливо объяснившей и показавшей ему, что и как надо делать, чтобы не стать курочкой Рябой, растянуть удовольствие и усилить конечный эффект.

Завидовал и вынашивал планы лишения девственности милой девочки Тани примерно также, как несчастный граф Матье в исполнении утонченного гидальго Фернандо Рея в еще не снятом в описываемую мной доисторическую

эпоху последнем, мучительном фильме Бунюэля «Этот смутный объект желаний», где главную героиню, Кончиту, играют попеременно две различные актрисы, персонифицирующие две личины дьявола женского пола – кроткую и свирепую. В самый волнующий для графа момент он замечает, что на Кончите – особые, исполняющие функцию гротескного пояса верности, сплетенные из лиан, трусики ужасов. Стянуть их не под силу человеку, разве что самому сатане. Матье рыдает, зритель хохочет...

Купить моей возлюбленной дом в Мадриде я не мог, поэтому все свои надежды возлагал на более скромное средство – Советское Шампанское. Целых три сверкающих и томно побулькивающих бутылки которого хранились в пахнущей клопами глубине пансионатского бельевого шкафа, непосредственно за моим оранжевым чемоданом фирмы Ломбардини (купленным по дешёвке в ломбарде). Вообще-то «вылакать шампунь» мы с Жэком планировали вдвоем, в последний вечер перед отъездом из пансионата. Но поскольку Жэк уже получил награду свою с ненасытной Людмилой, то я... решил, что могу нарушить договоренность и попробовать употребить это последнее средство для достижения моей цели. Ибо иначе, рассуждал я сам с собой, тебе останется только сойти с ума от приступов гиперсексуальности в лучшую пору твоей только что начавшейся самостоятельной жизни.

Сегодня же ночью выпьем шампанского и займемся глубоким бурением в мохнатой шахте! – подзуживал я сам себя, страдая от собственной пошлости. Но как назло, как раз сегодня вечером у моей возлюбленной болела голова или горло. Стреляло в ушах. Ныла подвернутая лодыжка. Таня отказывалась от шампанского. И засыпала после влажных поцелуев, уютно положив изящную головку на мое широкое плечо, а мне не оставалось ничего другого, как последовать ее примеру.

После этих половых разочарований я подолгу не мог заснуть. Тянуло почему-то в животе (мой инстинкт знал, почему), на душе было скверно. Тело моей спящей подруги раскалялось как заслонка русской печи. Мутная душная ночь, казалось, никогда не кончится, в глазах плыла пылающая планета Венера, в ушах гремело эхо песни Child in Time, пространство комнаты качалось как будто на качелях, складывалось в ромб и закручивалось как пропеллер.

...

Однако тринадцатого февраля мои планы чуть было не осуществились, я чуть было не достиг седьмого неба. Помешал этому, как это ни странно, Александр Исаевич Солженицын. Не нарочно, конечно. Но все равно, я это ему еще припомню.

Спросишь сегодняшних молодых людей: Что произошло в феврале 74-о? Не знают и знать не хотят. И правильно делают. Ну а для человека моего поколения – этот самый февраль – незабываемое, судьбоносное время.

Как известно, во время допроса помощница Солженицына Елизавета Воронянская выдала гэбэшникам местонахождение рукописи Архипелага. После чего бедняжка повесилась. Солженицын в ответ разрешил печать книги в издательстве ИМКА-Пресс. В декабре 1973-о года вышел первый том.

Книгу эту мне тогда прочитать не удалось. В январе мне ее с благоговением, осторожно, как величайшую святыню, показали знакомые. Даже открыли секунд на двадцать. Но в руки так и не дали. Я успел прочитать слова: «Поставив молодого Лордкипанидзе на колени, следователь измочился ему в лицо! И что же? Не взятый ничем другим, Лордкипанидзе был этим сломлен. Значит, и на гордых хорошо действует...»

Больше всего меня поразила тогда не сама эта отвратительная сцена, символизирующая и материализующая всегдашние отношения российских властей с собственными людишками, а неприятное слово «измочился». Написал бы просто «помочился»...

Только через много лет я понял, что Солженицын попросту не владел хорошим русским языком. Оттого и защищал его так от заимствований и германских суффиксов и приукрашивал свои тексты – весьма навязчиво – неуместными сусальными завитушками из славянского шкафа с пауками. Отвлекал внимание читателя от своего косноязычия.

Коммуниздия ответила на Архипелаг невероятным даже для советской прессы потоком словесной блевотины, настоящим взрывом холуйства.

В январе, после тайного решения Политбюро о дискредитации книги и наказании ее автора, Правда напечатала статью Соловьева «Путь предательства». За этим флагманом идеологического флота последовали

кораблики поменьше, и сколько! Целая флотилия. Не буду называть авторов, перечислю только несколько характерных названий:

Позор клеветнику,
Без роду, без племени,
Цена предательства,
Всеобщее презрение,
Отщепенец громоздит новую гору лжи,
Лишь бы очернить,
Власовец от литературы,
Политический слепец,
Рыбак рыбака видит издалека,
Измену Родине не прощают,
Зарвался!
Народ проклиняет,
Растленная душонка,
Мы отвечаем презрением,
Солжец антисоветчиков,
Нам не по дороге,
Терпению пришел конец,
Туда ему и дорога.

...

Тогда я наивно полагал, что авторы этих текстов – или продажные лжецы на службе у коммунистических фараонов или несчастные люди, вроде Шостаковича, Щедрина или академиков Александрова и Колмогорова, которых кровавые звери гэбисты вынудили подписать всю эту ложь, шантажируя, выкручивая руки и прижигая им кожу раскаленными щипцами. Теперь я думаю иначе – все эти замечательные образцы русской словесности написаны искренно, от всей души и с полной убежденностью в правоте своих слов. И академиками, и писателями, и музыкантами, и учителями, и доярками, и сталеварами, и плотниками, и прочими инженерами. Путинская эпоха расставила все точки над всеми «i» русской истории. Вывесила на всеобщее обозрение русские характеры. Осветила черным светом подвальных пыточных

камер Чернокозова сталинское нутро России. Показала, что эта страна наводнена, переполнена подонками, палачами, способными на любую гнусность. Их вовсе и не нужно подкупать, шантажировать или запугивать. Они все сделают добровольно. И напишут и подпишут, и проголосуют, и виселицу сколотят, и веревку принесут, и мыло. Подставляйте только шею!

12-о февраля издали Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Учитывая, что... систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет... лишить... выдворить... Георгадзе.

По радио сообщили об аресте Солженицына.

Политика была мне до фени. Но то, что происходило тогда на моей родине, не было «политикой», это было непрекращающейся ни на секунду общественной гнусностью, ложью, преступлением. И я чувствовал это и ощущал на самом себе безнадежную глубину падения.

В перерывах между танцами, лыжами и пинг-понгом, я пытался поймать специально препарированной Спидолой «Голос» или «Свободу». Делал я это в одиночестве, не только потому, что не хотел никого просвещать, но и потому, что и прослушивание «голосов» на людях было тогда наказуемым деянием, а мне вовсе не хотелось вылететь из университета и приземлиться в доблестной советской армии, в гарнизоне какого-нибудь Верхоянска или в тюрьме. Все тогда боялись КГБ и доносчиков, только те, кто постарше – боялись панически, смертельно, а те, кто помоложе – боялись, но не очень. Не потому, что были мужественнее, великодушнее, смелее, а скорее потому, что... не удивляйтесь... были еще подлее и равнодушнее тех, кто прошел сталинскую эпоху.

Я тогда относился к Солженицыну гораздо лучше, чем теперь, после свободного ознакомления с его текстами, после «Двухсот лет вместе», братания престарелого писателя с Путиным и путинцами итд.. Мое мышление было еще блаженно мифологичным, насквозь образным, детским. Солженицын представлялся мне апостолом правды, новым протопопом Аввакумом, распинаемым советскими извергами, а Сахаров – юродивым профессором-идеалистом, не понимающим, с кем и с чем он собственно имеет дело. Я жалел

их обоих, сочувствовал им и жадно следил за развитием событий. Но юность брала свое и все еще недоступная мне «мохнатая дырочка» моей любимой без всякой борьбы вытесняла с главной сцены моего сознания мысли о кисло-сладкой парочке «сахаров-солженицын». К сожалению монументальную заднюю стенку этой сцены – главный фон русской жизни – огромный опрокинутый свинцовый стол с кровавыми подтеками – ни девичьи прелести, ни пинг-понг, ни Плеяды, ни музыка Slade вытеснить не могли.

...

Тринадцатого февраля, вечером, я достал заветные бутылочки из шкафа и вывесил их в сумочке за окно, на морозец. Привел в порядок комнату, поправил постель, выложил кружочком печенье на тарелке, а в середину кружочка положил сюрприз – подаренные мне бабушкой перед отъездом в пансионат трюфели. Вынул из чемодана маленькую баночку вазелина и положил ее на тумбочку и прикрыл газетой. Принял душ и залез под одеяло.

Танечка заперла за собой дверь, потушила верхний свет, включила торшер, задрапировала его голубым шелковым шарфиком, скинула одежду – все, кроме трусиков – и нырнула ко мне под одеяло.

Первый раунд любовного боя прошел без нокаута.

Я решил выложить все козыри на стол – достал и разлил шампанское.

Предложил Тане трюфели. Мы сели по-турецки и начали пить божественный напиток, есть печенье с трюфелями и балдеть.

Через несколько минут опьяневшая Таня притянула меня за шею к себе и, ловко стянув трусики, обвила меня ножками.

В последний момент я потянулся за вазелином, а моя милая девочка неожиданно для меня включила стоящую на тумбочке Спидолу. По-видимому почитательнице Кортасара и собирательнице марок с жирафами захотелось потерять невинность если и не под музыку Вивальди, то хотя бы под Оскара Фельцмана.

Ландыши, ландыши...

Вместо ландышей, предательница Спидола провещала нам, слегка потрепав и повыв на разные глушилкины мотивы, прекрасным низким голосом обозревателя Свободы Владимира Матусевича следующее: Аэрофлотовский

воронок приземлился во Франкфурте-на-Майне. Из него вышел великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии Александр Иса... В аэропорту его встречали...

...

Я инстинктивно отпрянул от готовой принять меня в себя девушки и наострил уши.

А с Таней произошло нечто странное.

Ее симпатичная томная рожица исказилась вдруг гримасой дьявольской злобы.

Она посмотрела – вначале на Спидолу, потом на меня – как раненая в грудь орлица, выскочила из-под меня, вскочила, мощным ударом кисти (теннисистка!) скинула ни в чем не повинную радиолу на пол, мгновенно оделась, окатила меня, как из огнемета, едким презрением и прошипела страшным ведьмачьим шипом: Если бы я встретила этого твоего Исаича на улице, то проломил бы ему голову первым попавшимся под руку кирпичом. Так, чтобы мозги вытекли!

Антисоветская мразь! Предатель Родины! Гадина.

После этого ушла, бешено хлопнув дверью.

Вазелин нам так и не понадобился.